

му энергообеспечения. Этот вариант представляется наиболее перспективным в обеспечении устойчивого развития общества в интересах современного и будущих поколений и, главное, наиболее реальным как в экологическом, так и в экономическом плане.

Сегодня главным источником топливно-природных ресурсов по-прежнему остается российский природный газ, поступающий в Беларусь по газотрассе из Сибирского месторождения Новый Уренгой, запасы которого хотя и не являются неисчерпаемыми, но на ближайшие 60-80 лет представляются достаточными, надежным резервом топливно-энергетического базиса.

Не впадая в крайности пессимизма, можно все же именно этот срок определить, как наиболее реальный для перехода к передовому уровню энергосберегающих форм социального развития Беларуси.

Следовательно, можно также с достаточной степенью уверенности говорить, что возможность устойчивого развития республики в этот период лежит в плоскости развития технико-энергетического сотрудничества с Россией. Это обстоятельство явилось бы серьезным фактором достижения и дальнейшего поддержания на оптимальном уровне защищенности в экологическом плане Беларуси: Не случайно именно природный газ, как потенциальный источник технико-энергетической мощности, рассматривается в качестве одного из основных факторов обеспечения устойчивой экономики, и именно в этом аспекте Экономический и Социальный Совет ООН на сессии комитета по Устойчивой экономике в октябре 1998 года рассматривал проблему «Использование природного газа для производства электроэнергии» как составной компонент общего раздела «Положение и политика в области энергетики», сформулировав практически однозначный вывод о том, что устойчивая энергетика необходимо предполагает использование природного газа.

Видимо, этому полезному ископаемому, не относящемуся к неисчерпаемым источникам энергии, принадлежит историческая роль в обеспечении оптимального уровня развития Беларуси. А если при этом учесть, что именно Россия обладает сорока пятью процентами мирового запаса природного газа, то экономическая перспектива Республики Беларусь на обозримый период становится более чем очевидной.

ЭТИКА «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»: ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Мацевич М.Я., Мацевич И.Я.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск.

Мы изобретаем то, что мы отвечаем, но не то, на что мы отвечаем и что делает весомым нашу речь и наши поступки.

Б. Вальденфельс.
«Мотив чужого».

Сегодня развитие многих полиэтничных государств приобретает парадоксально-типичный характер. Речь идёт о процессах национального самоопределения. Основная задача нации в период её государственного и культурного самоутверждения состоит в том, чтобы открыть и понять, что действительно специфично для «неё», и очистить коллективное «я» от всяких следов «другого». Из всех процессов, разви-

вающихся на данном этапе, главным является процесс «установления подлинности» или отсева элементов «испорченного» Чужого от «чистого» и подлинного. Своего. Однако возникает вопрос относительно того, что именно выступает в качестве Своего и Чужого; каков характер их взаимоотношений, какие нормы и принципы определяют границы их прав и обязанностей, какова логика обоснования норм и правил отношений между Своим и Чужим.

Выбор категорий «Своего» и «Чужого», поставленных в центр статьи, обусловлен тем, что данные категории обосновывают и структурируют любую национальную идеологию. Кроме того, проблема Своего и Чужого имеет и нравственный аспект: мы всё чаще слышим о поиске «чужого – врага» в иных народах, странах или временах.

Сегодня национальное самоопределение сталкивается с необходимостью осуществления своей автономии не за счёт изживания Чужого или ценностного противопоставления себя Чужому, но лишь вместе с возможностью реализации собственного уникального бытия Чужого. Речь идёт о необходимости признания существования и неустраимости «различности» (термин Ж. Деррида), о сохранении себя в однородности единства в своей внутренней идентичности. Современные процессы глобализации радикально трансформируют нормы и принципы отношений между Своими и Чужими, изменяют меру оценки Своих и Чужих. Если раньше непонятное и неприемлемое существовало где-то далеко, не затрагивая нас напрямую, то сегодня, благодаря новейшим коммуникационным технологиям, оно близко, непосредственно вторгается в нашу жизнь, требует незамедлительной реакции. «Свои» и «чужие» оказались спрессованными в глобальных информационных и финансовых потоках. Высокая плотность глобальных международных, межгрупповых и межличностных связей не позволяет уклониться от контекстов, остаться безразличным или нейтральным. В таком тесном взаимодействии резко возрастает опасность отторжения, вражды и прямых столкновений. Отвести эту опасность могут только культура и навыки высокой толерантности.

В связи с этим возникает острая потребность в создании условий, когда многообразие взглядов, позиций, установок, способов действия различных агентов политического процесса, не перерастая в силовую конфронтацию, остаётся в рамках дискурса, позволяя искать и находить оптимальные решения, приемлемые для всех его участников. Реализация этой потребности во многом зависит от возможности создания и обоснования «этики межкультурных отношений», которая могла бы быть органично воспринята человечеством. Да, речь идёт об очередном утопическом проекте универсальной этики, которая должна быть рационально аргументирована. Безусловно, это экстраполяция западного типа рациональности на незападные типы культур. Но понимание, нахождение консенсуса, так или иначе, всегда были связаны с использованием языка одного из двух участников диалога. Редукционизм? Да, но возможен ли сегодня другой способ предотвращения трагических последствий отсутствия общих ценностей, норм и принципов отношений?

Именно поэтому в предлагаемой статье совершена попытка реализовать анализ норм и принципов взаимоотношений между Своим и Чужим в современном национальном обществе. Выбор методологической парадигмы был обусловлен поиском новых подходов к имеющемуся на сегодняшний день огромному историко-фактологическому материалу, касающемуся проблемы этических норм и принципов национального самоопределения, и представляет собой соединение теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса с феноменологией Б. Вальденфельса.

Для осуществления своей автономии языковая нация должна определить свои границы и принять свою судьбу; самость индивида может быть осуществлена лишь

в борьбе за самоопределение его нации. Однако все эти размышления не могут быть сегодня восприняты столь же позитивно и однозначно как в начале девятнадцатого века, когда доктрина национализма только зарождалась.

Границы между «своим» и «чужим» текучи, они изменяются как в пределах каждой эпохи, так и — тем более — в историческом процессе. Наверное, до конца средневековья фундаментальная противоположность «своего» и «чужого» имела форму устойчивого противопоставления — социального, культурного и более всего религиозного. Эллины и варвары как разные культурные общности; христиане и язычники как разные религиозные сообщества. Это не обязательно означало вражду. Вспомним, что даже в первобытном обществе, когда в чужом чужали врага или рассматривали как возможную добычу, этот чужой всё же не всегда был врагом.

Но расширение картины мира и изменение одного из существеннейших её элементов вовсе не сняло проблему «свой» — «чужой», а актуализировало её на новый лад. С течением времени выявилась новая форма этой проблемы, не утратившая жгучей актуальности и в наше время. Национальная идея, возникшая, наверное, параллельно с идеей «человечества», вовсе не предусматривала разделения человеческого рода. Отделявшая друг от друга группы людей, она вовсе не требовала, во всяком случае на первых порах, принижения одних другими; не утверждала превосходства одной нации над другой. Напротив, идея национальностей предполагала многообразие внутри единства.

Но в национальной идее, ставшей в XIX в. мощной интеграционной силой, было заключено и нечто иное, нашедшее воплощение в идее национализма. Вечные социальные страхи порождали образ врага, который теперь чаще всего определялся по национальному признаку, и национальная идея часто рождала агрессивную ксенофобию. Стоит вспомнить мрачные страницы истории, когда расовые теории становились основой тоталитарных режимов. Проблема «свой» — «чужой» стала не только философской или исторической, но и политической, а также этической.

Определение локализации Чужого жизненно необходимо для самоутверждения национального самосознания. Однако в националистической идеологии дифференциация Своего и Чужого оказывается центральным процессом, который структурирует в целом программу дальнейшей эволюции нации. Изначально выступая в качестве средства подъёма и роста национального движения, процесс идентификации Чужого становится целью; фундамирующей выстраивающуюся новую систему ценностей. Националистические идеологи прописывают логику развития Чужого и, в зависимости от её характера, выстраивают определённые стратегии действия. Но подобные установки лишь увеличивают пропасть между Своим и Чужим, не оставляя места возможности реализации диалога, в процессе которого только и возможно частично определить, что есть недоступное Чужое. Чёткая локализация Чужого не избавляет от необходимости вслушиваться в его притязания. Националистическая идеология чётко прописывает «чужих»; следовательно, уже на уровне дефиниционного идеологического прописывания исчезает феномен Чуждости как таковой, так как его невозможно определить. Однако исчезает и возможность идентификации Своего, так как элиминируется бинарная оппозиция, в рамках которой только и возможно существование; развитие, самоопределение и самообретение Себя. *С этим связана и невозможность конституирования в данном случае этики взаимоотношений между Своим и Чужим, так как Чужое перестаёт выступать в качестве полноценного субъекта межличностных отношений.*

Универсализация определённых нравственных норм и принципов действия — по аналогии с универсальными законами мышления и языка, — конечно же, являются

необходимым, но ни в коем случае не достаточным условием рационализации действий. Органичное изменение любого социального порядка не может произойти без фактической значимости моральных норм, которые включаются в рамки соответствующих жизненных форм. Как только в веками отстраивающуюся этику включаются «безразличные» элементы по отношению к культурным ценностям, начинаются открытые, неконтролируемые изменения социальной реальности.

Одностороннее притязание Своего на Чужое представляет собой утопический проект конструирования локального варианта национальной этики, который оказывается нежизнеспособным в течение долгого времени при столкновении с фундаментальными общечеловеческими ценностями, правами, нормами и принципами взаимоотношений. И именно в процессе аргументации правомерности существования национальной этики наравне с универсальной, радикально национальная идеология изживает себя, так как аргументация предполагает взаимное признание, которое и является центром, вокруг которого циркулируют все моральные проблемы.

Любая нация в процессе своего становления и самоутверждения постоянно должна отвечать на вызовы, притязания, побуждения, оклики, требования Чужого. Лишь в процессе отказа от определения, что такое Чужое, и принятия его как то, на что необходимо ответить, возможно определение, и лишь частичное, Своего и Чужого.

Вызов Чужого делает возможным иное видение, мышление и действие; это притязание на порядок здесь и теперь. Значит, несмотря на то, что ранее речь шла о притязании Своего, оно представляет собой лишь реакцию на встречу с Чужим.

Современные идеологи Прибалтики и Украины подчиняют реальность собственным категорическим принципам. В националистической идеологии ответ на Чужое порождается не притязанием Чужого, но необходимостью поддержания консолидации нации в процессе реализации борьбы, направленной на Чужое. Редукция Чужого к определённому феномену, который было бы реально уничтожить, привел а бы к потенциальной возможности прекращения борьбы когда-либо в будущем. Но это будет смерть нации, согласно националистической идеологии.

(Можно рассмотреть современные черты националистического движения как возрождение отдельных элементов фашистской идеологии. Так, Б. Муссолини писал, что *государственная воля уравнивается по природе с человеческой волей*, не знающей в своем развитии пределов и доказывающей своим осуществлением собственную бесконечность).

Но достаточно было осуществления встречи с Чужим в действительности, как рухнули все интеллектуально сконструированные программы, нормы, принципы, идеология. Встреча с Чужим в действительности при соприкосновении друг с другом живым взглядом – вот где рушатся идеологии. Свидетельством тому сегодня является озабоченность титульного населения Прибалтики трансформацией русских общин в закрытые самодостаточные сообщества, из-за чего обстановка в стране еще более накаляется. Несмотря на рационально обоснованный характер «новой этики», регулирующей отношения между Своими и Чужими, она оказалась неспособной обеспечить стабильное развитие общества.

Современное общество столкнулось с необходимостью формирования «мультикультурной этики». Свидетельством тому является появление в Европе «нового национального вопроса»: иммигранты уже не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру. Напротив, возросла острота конкуренции между коренным населением и иммигрантами во всех сферах жизни, отчего развиваются все более настороженные отношения ко-

ренных граждан к «чужакам». Иногда эта настороженность перерастает в нетерпимость, проявляется не только на бытовом, но и на общественном уровне.

Одной из форм демократического противодействия этой опасной тенденции может стать идея формирования «мультикультурной этики». В отличие от ставки на ассимиляцию, «мультикультуральная этика» исходит из возможности параллельного существования различного рода моралей. Все проживающие в том или ином государстве обязаны соблюдать его законы, и это накладывает ограничения на мультикультурализм, но эти ограничения не должны распространяться на духовно-нравственные аспекты существования представителей различных наций.

Каким же образом в современном обществе может функционировать «мультикультурная этика»? Если отказаться от абсолютных масштабов, будь то рациональные идеи или моральные ценности, то на что может опереться человек в своих поступках? Если нет абсолютных различий на добро и зло, истину и ложь, то не окажется ли мы во власти анархии?

Ю. Хабермас считал, что следует усвоить урок Ф. Ницше, и поскольку нам очевидны как недостатки морализма, так и невозможность избавиться от ценностных суждений, - остаётся «кооперация с моралью», и она видится ему в том, чтобы попытаться найти такую этическую систему, которая бы выполняла по отношению к «ходячим моральным кодексам» рефлексивную функцию и позволяла бы в жизни оставаться моральным и справедливым. Необходимо найти новую форму морали, в которой бы было место многообразию моралей, имеющихся в разных культурах, обществах и даже у разных индивидуумов. Но в этом случае мораль может оцениваться не только как хорошая, но и как плохая, если она не совпадает с принятым мною различием добра и зла. Именно так становится возможным дистанцироваться от морали и обрести по отношению к ней некую перспективу. Теперь нормативная этика становится уже недостаточной, и приходится выбирать между различными моральными системами. Приходится признавать существование индивидов, опирающихся на другие моральные принципы, и при этом не ждать взаимности. *Но как же тогда автономные, конкурирующие индивиды могут объединиться в общество, и каким является общество, в котором отсутствуют, и это уже факт, универсальные моральные нормы?* Речь должна идти о некоем «рынке признания», когда оно осуществляется не на основе долга и любви, а на основе «стоимостной» оценки акта признания, которое уподобляется товару. Тот, кто играет в игру признания другого, сильно рискует, ибо велика вероятность, что другой вовсе не ответит взаимным признанием. Отсюда моральное поведение современного человека опирается не на абсолютные нормы, а реализуется как такая стратегия, в которой решающим оказывается выбор между «выгодно» или «невыгодно». Мораль оказывается как бы блуждающей, спонтанной и сингулярной, свободно возникающей в одних случаях и исчезающей в других. Именно это обстоятельство делает этическую рефлексию морали практически актуальной.

Выход состоит в признании конфликта ценностей, который решается каждым отдельным человеком в зависимости от ситуации, то есть «контингентно», а не универсально. Однако общество блокирует такой выход нагнетанием страха, который становится эрзацем порядка.

Сегодня в полиэтнических регионах развитие «мультикультурной этики» является необходимым этапом гармоничного и стабильного развития суверенного национального государства. Возможность конституирования и развития подобного рода этики зависит, главным образом, от способности коренных представителей определённой нации принять вызов чужого, вступить в диалог.

Националистическая идеология вообще не рассматривает возможность какого-либо полноправного притязания со стороны Чужого, тем самым обрекая себя на невозможность ответить на это притязание. Но сам «не-ответ» тоже представляет собой разновидность ответа, за который необходимо нести ответственность. Т.е. существование Чужого независимо от нашего отношения к нему, желания или нежелания видеть и призывать как феномен, возлагает на нас ответственность за неизбежный ответ, который, хотя протекает здесь и теперь, но начинается где-то в другом месте.

В рамках националистической идеологии формируется целенаправленная установка на изживание Чужого. Чтобы изжить Чужое, его необходимо определить, но относительно феномена Чужого оказывается в принципе невозможно произвести подобную процедуру. Как только Чужое чётко маркируется, оно трансформируется в нечто ситуативно доступное, вследствие чего пропадает сама бинарная оппозиция между Своим и Чужим, в рамках которой только и возможно самоутверждение Своего. Своё обретает смысл лишь в процессе «ответчания» на притязание Чужого. Нежелание услышать вызов Чужого и центрирование лишь на собственном притязании не освобождает от ответственности за ответ, так как даже молчание представляет собой один из вариантов ответа.

Определение локализации Чужого жизненно необходимо для самоутверждения национального самосознания. Однако в националистической идеологии дифференциация Своего и Чужого оказывается центральным моментом, который структурирует в целом программу дальнейшей эволюции нации. Изначально выступая в качестве средства подъёма и роста национального движения, процесс идентификации Чужого стал целью, фундирующей выстраивающуюся новую систему ценностей. В своих работах идеологи развивающихся национальных государств прописывают логику развития Чужого и, в зависимости от её характера, выстраивают определённые нормативные стратегии действия. Но подобные установки, приобретая зачастую радикальный характер, лишь увеличивают пропасть между Своим и Чужим, не оставляя места возможности реализации диалога, в процессе которого только и возможно частично определить, что есть недоступное Чужое. Чёткая локализация Чужого не избавляет от необходимости вслушиваться в его притязания. Националистическая идеология чётко прописывает «чужих», следовательно, уже на уровне дефиниционного идеологического прописывания исчезает феномен Чуждости как таковой, так как его невозможно определить. Однако исчезает и возможность идентификации Своего, так как элиминируется бинарная оппозиция, в рамках которой только и возможно существование, развитие, самоопределение и самообретение Себя.

Изучение норм и принципов организации социального пространства при помощи националистической идеологии, их обоснование способствует выявлению и фиксации особенностей и сущности процесса конструирования «искусственной этики». Подобные процессы постоянно возникают сегодня и связаны с эволюцией национального самосознания, однако, не всегда оказываются воспринятыми массами, так как формальная, интеллектуально сконструированная, универсальность не образует органичного универсума. Даже если идеологи способны внедрить «искусственную этику» в сознание масс, результат подобной манипуляции очевиден: трагедия второй мировой войны становится неизбежной.

В основании любой идеологии лежит совокупность фундаментальных ценностей, на основании которых в дальнейшем выстраиваются и развиваются определённые программы действий. Мы должны признать, что эти ценности порой могут быть искусственно сконструированы, подобно тому, как они были сформированы в рамках различных

радикальных вариантах националистической идеологии, правда, при этом они должны быть укоренены в культуре. Как только в веками отстраивающуюся этику включаются «безразличные» элементы по отношению к культурным ценностям, начинаются открытые, неконтролируемые изменения социальной реальности. Попытки искусственного формирования норм и принципов, новых этических теорий для консолидации масс и манипуляции их сознанием возобновляются и развиваются и в современном мире. Анализ возможных путей развития лишь рационально сконструированных систем ценностей на примере различных вариантов националистических идеологий позволяет выявлять социально опасные явления ещё на латентных стадиях их развития и применять соответствующие меры в рамках государственного управления.

XX век актуализировал проблему взаимоотношений Своего и Чужого в силу усложнившихся социальных процессов современного мира и его эпохи «Глобализации». Теперешняя глобализация социума с неизбежностью влечёт иную стратегию – поиск самоидентификации национальных государственных образований. Тенденция к поиску своего государственного лица есть закономерная и, безусловно, позитивная реакция самостоятельных государственных организмов на реальные угрозы и вызовы со стороны глобализуемого мира. Однако, как показывает анализ политических процессов последних десятилетий, мы являемся свидетелями своего рода социального «де жа вю», однажды реализованного в практике континентальной Европы XX века – феномена генерации праворадикальной мысли – феномена националистических умонастроений и фашистской идеологии, в частности.

Во избежание повторения этого опыта необходимо своевременное и адекватное реагирование на проявившиеся сегодня тенденции путём конструирования новой, мультикультурной, этики. Принцип функционирования данной этики способствует преодолению искажения норм и принципов нравственного поведения по отношению к чужому, но тем не менее, не сводится к сущности содержания абстрактно-универсального морального кодекса. Напротив, этика будущего должна органично соединить в себе особенности двух тенденций XX века, описанные выше, следующим образом: все моральные системы в различных их вариантах признаются равными, но выбор одной из них на определённом историческом этапе и в конкретном социальном пространстве осуществляется на основе всеобщего аргументированного обсуждения и согласия.

WYBRANE PROBLEMY POLSKO-BIAŁORUSKIEJ WYMIANY TOWAROWEJ NA PRZYKŁADZIE PRZEDSIĘBIORSTW WOJEWÓDZTWA PODLASKIEGO

Anna Edyta Grabska

Politechnika Białostocka, Białystok, Polska

W ostatnich latach rola małych i średnich przedsiębiorstw w dynamizowaniu polskiej gospodarki ulega systematycznemu zwiększeniu. Udział małych i średnich przedsiębiorstw w tworzeniu PKB w roku 2002 wyniósł 48,6% (48,4% w roku 2001), z tego małych przedsiębiorstw 40,5% (39,4% w roku 2001), a średnich 8,1% (9,0% w roku 2000). W analizowanym okresie wzrósł również udział sektora MSP w tworzeniu wartości dodanej brutto z 55,3% w roku 2001 do 55,6% w 2002 roku¹². O doniosłej roli MSP w polskiej gospodarce świadczy również fakt, iż stanowiły one w 2002 roku 99,84% wszystkich polskich

¹² Raport o stanie sektora małych i średnich przedsiębiorstw w Polsce w latach 2002-2003, Polska Agencja Rozwoju Przedsiębiorczości, Warszawa 2004, s. 21-22.